

Партизанский комиссар

Любовь РЕЙЗИНА,
учитель истории

Об этой истории я узнала от вдовы комиссара партизанской бригады «Штурмовая» Ильи Мартыновича Федорова. Сегодня из участников событий в живых осталась только она. Слушая Марию Михайловну, рассматриваю послевоенные фото, перебираю хрупкие пожелтевшие листы «Советской Белоруссии», «Вечернего Минска», районных газет 1960–1980-х с небольшими заметками о спасении детдомовцев партизанами, о музее в Семковской санаторной школе, о пионерской дружине имени партизанской бригады «Штурмовая». Все это вместе с грамотами и семейными альбомами Мария Михайловна бережно хранит.

Последние публикации относятся к 1985 году. Потом словно отрезало. Новые ценности, иные «герои». Партизан как начали «разоблачать» в перестройку, так некоторые до сих пор остановиться не могут. Комиссары среди главных мишеней: тут любители «новых подходов» и проповедники «общечеловеческих ценностей» мало отличаются от гитлеровских пропагандистов. Музей в Семковской школе в 1990-е разорили. В 1999 году не стало самого Ильи Мартыновича.

О своих боевых товарищах он писал не раз, находя очень точные, теплые, неказенные слова. Вот статья в газете «Знамя юности» о разгроме 22 декабря 1942 года логойского гарнизона и о погибшей в том бою медсестре Надежде Харченко: «К Наде Харченко относились с особым уважением и любовью во всех отрядах. Она участвовала в боях, ходила в разведку, добывала сведения первостепенной важности». Вот заметка в «Минской праўдзе» о голландце Римальде де Юнге, который перешел на сторону парти-

зан. Он не только спас семнадцать евреев (привез в лес на грузовике, чтобы поверили), но сам вынес приговор немецкому коменданту Молодечно и сам уничтожил его. Вот большая статья в журнале «Здравоохранение Белоруссии» о партизанском докторе и по совместительству командире отряда имени Пономаренко бригады «Штурмовая» Дмитрие Савельевиче Рыдлевском. О себе, о своей роли в делах бригады Федоров практически не упоминает. В книгах известных руководителей партизанского движения на Минщине Р.Н. Мачульского «Вечный огонь» и И.Л. Сацункевича «Суровая быль» имя Ильи Мартыновича встречается, но, насколько можно судить, авторы стремились представить панораму всенародной борьбы на оккупированной территории и не ставили перед собой задачу вглядываться в каждую отдельную личность. Кроме того, читателю тех лет не нужно было объяснять, кто такой комиссар партизанского отряда или секретарь подпольного райкома партии. Уже сама должность была характеристикой. А сейчас, спустя 70 лет, объяснять нужно многое.

ОБ АВТОРЕ

РЕЙЗИНА Любовь Михайловна.

Родилась в г. Оха Сахалинской области (Россия). Окончила исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена (1978), Белорусский государственный педагогический университет (1994). С 1978 по 1984 год преподавала историю и обществоведение в ГПТУ № 40 г. Омска.

С 1984 года работала учителем в школах Минска. С 2006 года – преподаватель столичной гимназии № 42.

Автор более 20 статей в журнале «Беларуская думка», в газетах «Правда», «Советская Белоруссия», «Рэспубліка», «Во славу Родины», «Белорусская нива» и др.

Из крестьян Липецкого уезда

Многодетную семью Федоровых из деревни Петровской (теперь Тербунский район Липецкой области) обыкновенной не назовешь. И не потому, что в ней росло десять мальчишек и только одна девочка. А потому, что семеро из этих крестьянских сыновей в 1920–1930-е годы получили

высшее образование. Трое – Константин, Демьян и Петр – стали инженерами, Алексей – врачом, Василий и Илья – учителями. Один из братьев – Тимофей – даже писателем. Самый старший, Иван, высококвалифицированный рабочий, трудился в Москве на заводе «Серп и молот». Михаил и Федор, родившиеся за ним, к тому времени, когда людям из народа открылась широкая дорога к знаниям, уже растили собственных детей, поэтому остались в деревне. Но, видно, тоже были люди небесталанные. Когда при организации колхоза потребовалось провести межевание земель, а специалиста не нашли, позвали Федора. Он с этой задачей справился. А потом и колхоз возглавил.

Таким людям в Великую Отечественную не надо было объяснять, за что они сражаются. Девять братьев воевали, младший, Петр, собирал танки в Улан-Удэ. Пятеро – Михаил и Федор (трагическую участь которых разделили их сыновья), Константин, Тимофей и Василий – погибли. В 1946 году их матери, Марии Андреевне, вручили в Кремле орден «Мать-героиня».

Илья был в семье предпоследним. Управлялся с любой крестьянской работой. Когда умер отец, подросток, чтобы помочь матери, отправился на заработки в Донбасс. На шахту по возрасту не брали, пришлось подправить в документах год рождения: вместо 1913 стал 1911. Так потом всю жизнь и числился на два года старше самого себя. Работал на шахте и учился: через школы рабочей молодежи многие тогда начинали путь к вершинам науки. А после подался к старшим братьям-студентам, в Ростовский университет. Один костюм на всех и прочие материальные трудности совершенно не смущали. Физико-математический факультет Илья Мартынович окончил блестяще. Его оставляли в университете, готовили к преподавательской работе. Но на дворе был 1939 год, 1 сентября в Европе началась война, а Верховный Совет СССР принял закон о всеобщей воинской обязанности. Федорова призвали в Красную армию.

Месяц подготовки в Иваново и – на Карельский перешеек, в бой. Меткость снайперов противника Илья Мартынович проверил на себе: был ранен в ногу, правда, легко. А там и финская кампания закончилась.

Дальнейшую службу проходил в Беларуси, в знаменитой 24-й Самаро-Ульяновской Железной дважды Краснознаменной стрел-

▲ Первое семейное фото.
Лето 1945 года

ковой дивизии заместителем политрука батареи 76-мм пушек 7-го стрелкового полка. Его приняли в партию, на петлицах закрепили командирские «кубики». Служивцы Федорова уважали: и с техникой человек «на ты», и образованностью своей не кичится, и с лошадами обращаться умеет – артиллерия на конной тяге была. Здесь, в дивизии, Илья Мартынович получил первый опыт политической деятельности. Когда комдива К.Н. Галицкого выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, замполитрука дали важное партийное поручение: быть его доверенным лицом. Кандидата надо представлять на собраниях, а Федоров стеснялся расспросить командира о его биографии. Хорошо, тот сам догадался и все, что надо, Илье Мартыновичу рассказал, а потом задал неожиданный вопрос: может ли Федоров для наглядной агитации портрет Ленина нарисовать? Молодой политработник признался, что никогда этим не занимался, но если попробовать увеличить по клеточкам... Получилось настолько удачно, что комдив в награду предложил ему отпуск. Федоров от отпуска отказался: ему бы демобилизоваться пораньше, чтобы к началу учебного года в университет успеть. Он уже мечтал, как начнет читать лекции, кандидатскую задумал...

22 июня Илья Федоров со своей батареей встретил под Молодечно.

Испытание боем и пленом

Дивизия, выполняя предписание, выдвинулась в район Лиды. В первом же бою

артиллеристы Федорова уничтожили три немецких танка. Награда за тот бой, как ни удивительно, его нашла. В 1953 году Илье Мартыновичу вручили орден Красной Звезды. А тогда, разумеется, о наградах не думалось. Снаряды закончились, пополнить боекомплект в Лиде не удалось – в городе уже хозяйничали немцы. Дивизия, отступая, прошла с боями 500 км. Группа, в которой был И.М. Федоров, пытаясь вырваться из окружения, 13 июля вышла к Березине.

Здесь их накрыла фашистская авиация. Весь берег покрылся телами убитых, а Илью Мартыновича тяжело ранило в ногу, всю пятку разворотило. Появились немцы. Его сильно избили. Успел зарыть в землю партийный билет. Потом лежал без сознания. Спасла похоронная команда: немцы велели пленным закопать трупы, и кто-то заметил, что он живой. Принесли воды из реки, сняли командирскую гимнастерку, нижнюю рубашку разорвали и перевязали ногу. Бойцы были из его дивизии, с ними и попал в Минск, в лагерь на улице Якуба Коласа. Потом часть военнопленных отправили на Широую, а после – в Дрозды. Здесь прямо на поле находились десятки тысяч человек: военнопленных, гражданских, евреев. Среди них был и Федоров. Спасая товарища, ребята из дивизии нашли доктора, который Илью Мартыновича подлечил, хотя из лекарств у него была только зеленка да еще бинты где-то добывал. Последним пунктом

в лагерной эпопее Федорова стала Масюковщина, Шталаг 352.

В архиве семьи я наткнулась на лист из неизвестного издания, вышедшего, видимо, к 20-летию Победы, с воспоминаниями Ильи Мартыновича о пребывании в Масюковщине. Это, кажется, единственный печатный текст, где он рассказывает о себе:

«Не забуду первый день 1942 года, когда в тридцатиградусный мороз нас выгнал комендант Либх из бараков и держал в строю несколько часов подряд. Нестерпимо болели раны, мороз сковывал дыхание. Истощенные, полураздетые люди падали в изнеможении. Их пристреливали и оттаскивали в сторону. Заметив негодование в моем взгляде, Либх с размаху ударил меня палкой по голове и подал знак охранникам. Меня тотчас раздели догола, отсчитали двадцать пять ударов палками, а под конец окатили ледяной водой. Долго лежал я после этого в лазарете».

Немцы, однако, тоже мерзли и, обнаружив неподалеку, в Ждановичах, дом отдыха, решили снять оттуда трубы и батареи отопления, чтобы согреться самим. Среди пленных был капитан Григорий Кудрин, коммунист, москвич, хорошо владевший немецким, за что лагерное начальство его среди других выделяло. Кудрина поручили собрать команду, которая сможет демонтировать и перевезти в Масюковщину все это отопительное оборудование. Федорова, хотя он еще сильно хромал, Кудрин включил в группу. Пока охрана грелась на первом этаже, устроив костер из библиотечных книг, наверху военнопленные орудовали ломami и обсуждали план побега. Из-за сильных морозов следующий выезд на работу состоялся только через неделю, 22 марта. Немец-конвоир был другой, увидел, что Федоров хромает, и сразу: «Цурюк!» А Кудрин ему: «Это же главный инженер по трубам! Без него мы ничего не сделаем!» Убедил. Поехали в полном составе. Вроде бы все продумали, все предусмотрели. И тут под вечер в Ждановичах немцев появляется больше, чем обычно, и Кудрина с несколькими военнопленными велят ехать на подстанцию. Только перемигнуться успели: все равно бежим сегодня! На обратном пути в санях – трое пленных против двух охранников. С Борисовым все договорено, а вот еще один, Ковалев, человек новый, как поведет себя, неизвестно. Федоров вы-

▼ Здесь базировалась «Штурмовая». И.М. Федоров (в центре) с боевыми товарищами

рвал кинжал у одного из конвоиров, а Ковалев, вместо того чтобы помочь, сам на Илью Мартыновича кинулся. Но, видно, крепкий удар ногой получил – вылетел из саней и покатился в снег. До горла одного немца Федоров все-таки дотянулся, другой от Борисова вырвался и убежал. Лошадь, сани и две винтовки достались беглецам, а ехать-то куда?.. Долго кружили по лесу. Помог и подсказал, где лучше искать партизан, встретившийся на дороге местный житель. Илья Мартынович его после войны пытался найти, да где там!..

Слушая Марию Михайловну, я ловлю себя на мысли: прямо как в кино! А ведь и в самом деле, эта история просится на экран.

Группе Кудрина побег тоже удался, но потом их партизанские дороги с И.М. Федоровым разошлись, и дружба возобновилась уже спустя годы.

«Представитель партии и советской власти»

Базой формирующегося отряда стал Маньковский лес. Первая боевая операция – разгром 22 апреля небольшого гарнизона в деревне Бовбли: добыли оружие, патроны и кое-что из продовольствия. Имя отряду – «Штурм» – подарила народная молва. К Первوماю вся округа уже гудела: партизаны громят пункты сбора продуктов и освобождают крестьян от введенных немцами повинностей! Комиссаром отряда стал Илья Федоров.

К концу 1942 года отряд вырос в бригаду. Сначала в «Штурмовой» было три отряда: «Штурм», «За Отечество» и «Грозный», позднее добавились отряды имени М.В. Фрунзе, имени Г.К. Жукова и имени П.К. Пономаренко. С декабря 1942 Федоров уже комиссар бригады и второй секретарь Заславского подпольного райкома партии.

Об отношении немцев к коммунистам и комиссарам известно: гитлеровцы прекрасно понимали роль идеологии в поддержании боеспособности противника. С другой стороны, армия сильна единоначалием. Когда в октябре 1942 года был принят Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР «Об установлении единоначалия и упразднении института комиссаров в Красной Армии», главнокомандующий партизанским движением К.Е. Ворошилов издал приказ о распространении указа и

на партизанские отряды. Возглавлявший ЦШПД П.К. Пономаренко воспротивился: «Само существование отрядов, их боеспособность... в огромной мере зависят от политической работы... Население видит в лице комиссаров отрядов представителей партии и советской власти». И добился в ЦК ВКП(б) признания своей правоты. Институт комиссаров в партизанских отрядах был сохранен. Вот эту сформулированную Пономаренко партийную установку и проводил в жизнь комиссар Федоров.

В большинстве операций Илья Мартынович участвовал лично: когда громили гарнизоны в Рогово и других деревнях, в Логойске, в бою на реке Удре, при прорывах из блокад. В 1943 году вместе с пятью другими командирами был представлен к ордену Ленина, о чем есть архивный документ – приказ № 23 по партизанской бригаде «Штурмовая» от 19 февраля 1943. Но «сверху» виднее – дали «Красное Знамя». Орден Ленина он получил позже – за действия во время операции «Багратион».

Смелости комиссару было не занимать, а вот лихостью не отличался. Как человек с аналитическим мышлением, Илья Мартынович продумывал и просчитывал возможные варианты планировавшихся операций, много внимания уделял разведке. «Он же математик!» – неоднократно повторяет, словно пытается втолковать мне что-то очень важное, Мария Михайловна, вспоминая партизанскую молодость.

Комиссар, однако, отвечает не только за результаты боевой работы (для этого, в конце концов, командиры существуют), а практически за все сферы жизни. Я в очередной раз убеждаюсь в этом, перебирая в Национальном архиве папки с документами «Штурмовой». Сухое выражение «партийно-политическая работа» наполняется конкретным, порой неожиданным, содержанием.

Одна из важнейших задач – нести людям слово правды, сообщать вести с «Большой земли». Налаживается работа типографии, и летом 1943 года рождается многотиражная еженедельная газета «Мы отомстим». В итоговом политотчете бригады отмечается, что «типография выпустила десятки тысяч экз. брошюр и всевозможных обращений к белорусскому народу, к белорусской молодежи, к полицейским, саховцам (вступившим в коллаборационистскую «са-

маахову». – Л.Р.), чехам, словакам, французам, итальянцам», которые регулярно направлялись во вражеские гарнизоны. В результате только за 1943 год в бригаду «перешло около 50 чел. чехов и словаков, около 10 немцев и 100 полицейских».

«Для изучения приказа Верховного Главнокомандующего № 309 и доклада тов. Сталина» от 6 ноября 1943 года Федоров велит комиссарам отрядов организовать политучебу с личным составом и по-учительски обстоятельно разъясняет, как именно это сделать:

«а) разбить весь личный состав отряда на несколько отдельных групп по 20 – 25 человек в каждой;

б) каждую такую группу учащихся обеспечить толковым, политически грамотным пропагандистом из числа лучших коммунистов;

в) подготовить к этому землянки, обеспечив их светом и всем необходимым;

г) выделить пропагандистов и докладчиков из числа лучших партизан для ознакомления с докладом и приказом нашего населения.

Политзанятия проводить не менее одного-двух раз в неделю, в дни, когда на базе находится наибольшее количество людей...».

Сам Илья Мартынович постоянно выступает перед населением партизанской зоны по самым разным вопросам – от положения на фронтах до информации о делах народных мстителей. Во время одной такой встречи с жителями деревни Гайдуковка он и познакомился с Марией Михайловной: юная связная отряда «За Отечество» пришла с информацией к своему руководителю и попала на доклад Федорова. Потом, коротая вечер, сели играть в карты – и раз за разом комиссар «в дураках». Острая на язык девчонка не удержалась, поддела: «Вы, товарищ комиссар, лекции хорошо читаете, а в карты вы играть не умеете!» Судьба строгого комиссара была решена...

Почему «строгого»? Федоров полагал, что во время войны о девочках надо забыть, и подчиненных своих так настраивал. Надо сказать, что основания для неодобрительного отношения ко всякой «романтике» имелись. Достаточно почитать приказ бригаде № 0059 от 8 августа 1943:

«За последнее время в отдельных отрядах бригады наблюдаются и учащаются

случаи массового пьянства и организации отдельными партизанами при попустительстве командиров отрядов женитьб и свадеб, что влечет за собой разложение воинской дисциплины, самовольные прогулы, произвольные выстрелы, разбалтывание военной тайны и т.п.».

Далее приказывалось прекратить все эти «свадьбы» под угрозой суровой ответственности и вести в деревнях решительную борьбу с самогоноварением. Требовалось «разъяснить личному составу, что пьянство и бытовое разложение... отражается на боеспособности партизан и отдельных отрядов в борьбе с врагами нашей Родины».

Наверное, женитьба – единственный случай, когда дела комиссара разошлись с его словами, но от шуток и дружеского подтрунивания партизан спрятаться было негде. Впрочем, никаких свадеб-гулянок у Федоровых и не было, а была счастливая семейная жизнь более полувека. Это, однако, лирическое отступление.

Дисциплина – понятие многоплановое, и в партизанском отряде она больше, чем где-либо, зависит от нравственной основы в сознании людей. Этого ли не понимать комиссару, педагогу по профессии и по призванию! Вот еще одно приказание Федорова комиссарам отрядов: «...Разъяснить всему личному составу, к чему приводят случаи воровства затворов, боеприпасов, автоматных дисков и т.п. Что это понижает боеспособность не только отдельных бойцов, но и целых подразделений... что воры в нашей среде есть не что иное, как вредители, враги народа, засланные к нам врагом».

Слово «разъяснять» встречается у И.М. Федорова часто, но что делать с теми, до кого слова не доходят? В апреле 1943 года «В целях наведения в партизанских отрядах воинской дисциплины, устранения мародерства, пьянства и ряда других случаев» при партизанской бригаде «Штурмовая» утверждается Военно-революционный трибунал, который рассматривает все преступления, совершенные партизанами, а также имеет право судить мирное население, «совершающее преступления в ущерб партизанам».

Люди должны знать: немцы на нашей земле не хозяева, а партизаны устанавливают правила жизни суровые, поскольку время военное, но справедливые. Под инструк-

цией о назначении старшин в партизанских деревнях стоит три подписи – командира, комиссара и начальника штаба бригады, но, судя по всему, авторство документа принадлежит Федорову: «Все партизаны, проезжающие деревню, в чем-либо нуждающиеся в этой деревне, обязаны обращаться к старшине. Без ведома старшины партизаны не могут брать лошадей, сани, сено и др., независимо с какого отряда они бы ни были».

Комиссар не только заботился, чтобы крестьян не обижали: это свои, советские люди, главная опора народных мстителей. 8 июля 1943 года издается приказ по бригаде об уборке урожая – силами местного населения при помощи партизан. Отрядам предписывалось работать только в назначенных деревнях (видимо, чтобы каждый не помчался, бросив все, помогать родне), свои участки получают даже госпиталь и штаб бригады. «Оставшимся составом людей производить постройку подземных хлебохранилищ с воздушной вентиляцией... Зерно прятать в заготовленные хлебохранилища... Командирам и комиссарам отрядов приказ держать в строжайшей тайне». Тут и видение проблемы в целом, и хозяйский подход, и знание человеческой психологии.

В октябре 1943 года, когда гитлеровцы предприняли массовую бомбардировку и начали сожжение деревень с воздуха, жителям сельсоветов, входящих в зону ответственности бригады, напрямую отдается приказ:

«§1. Население вышеперечисленных сельсоветов должно в 10-дневный срок, начиная с 8-го октября, поделаться себе скрытые бомбоубежища вблизи своих строений».

§2. Кроме этого население должно себе вырыть землянки и поделаться навесы для скота в близлежащих к населенным пунктам лесах, в которых оно могло бы скрыть себя и свой скот от немецких карателей или прожить зиму, если деревня будет сожжена пр-ком».

§3. Военным комендантам деревень возглавить эту работу и доложить командованию бригады о выполнении данного приказа к 12.00 19.10.43».

А вот выдержка из приказа по бригаде от 25 января 1944 года:

«§2. В деревнях, имеющих сыпной тиф, провести санобработку мирного населе-

▲ И.М. Федоров – партизан и учитель

ния... ответственными являются фельдшер п/отряда имени Фрунзе Антонова и фельдшер отряда «Штурм» Токарев и военные коменданты этих деревень».

Читая такие документы, ясно понимаешь, почему столь важной считал Пономаренко роль комиссаров в партизанском движении.

Семковская операция

Когда в «Штурмовой» узнали, что немцы собираются уничтожить Семковский детский дом, комиссар сразу решил: «Надо спасать детей!». Командир бригады был категорически против: слишком близко к Минску, вокруг много гарнизонов – и детей не выгатадим, и своих людей потеряем! Тогда Федоров собрал командиров и комиссаров отрядов. Его идею все решительно поддержали. Богданов из комсомольского отряда Жукова тут же предложил: поручите моим ребятам! «Нет, – сказал комиссар. – Граться не надо. Сначала нужно все продумать и подготовить. Посылайте разведку. Определите все подъезды, места засад, где поставим пулеметчиков». Сам поехал к секретарю Минского подпольного обкома партии, уполномоченному ЦК КП(б)Б и БШПД по Борисовско-Бегомльской зоне Р.Н. Мачульскому. Тот помог оружием, патронами и парашют дал, чтобы маскировочные накидки для лошадей сшить. Партизаны себе «маскхалаты» из подручных средств делали, в основном из простыней,

взятых из дому. Лошадей, сани с сеном дали крестьяне.

Операция прошла «без сучка, без задоринки». Метель и мороз тоже были партизанам в помощь. Ночью на шестидесяти санях ребятишек вывезли из Семково в места дислокации отрядов. Оставлять детей в партизанском лагере было нельзя. Комсомолкам Вере Иосифовне Витушко и Марии Михайловне комиссар дал верховых лошадей: езжайте по деревням, договаривайтесь с женщинами, кто примет малышей в семьи. А сам пока подготовил распоряжение:

«1. Разобрать этих детей по нормам, установленным для каждого отряда, составить списки и по спискам распределить детей среди населения района каждого отряда, предварительно произведя медосмотр и санобработку. Больным детям оказать медицинскую помощь.

2. Среди населения провести соответствующую разъяснительную работу.

3. В дальнейшем следить за условиями жизни этих детей у крестьян, в случае ненормальных отношений со стороны отдельных крестьян к детям – своевременно реагировать...»

Впрочем, «реагировать» не пришлось. Один из спасенных детей, австриец (откуда он в Семково взялся?..) потом вспоминал: женщина, к которой он попал, своим мальчишкам по полкартошины дает, а ему, сироте – целую. Партизаны, конечно, чем могли, помогали. Все дети выжили. Илью Мартыновича вторым отцом называли. Он их после освобождения Беларуси еще на учебу и на работу устраивал, места в общежитиях для них находил.

О чем не расскажут архивы

Направил на путь Федоров, кстати, не только семковских ребятишек. Мария Михайловна рассказывает, что спустя годы после войны не раз на пороге их дома появлялись женщины с мальчиком или девочкой: вот, товарищ комиссар, от вашего партизана ребенок, помогите в ремесленное устроить! И Илья Мартынович звонил куда надо, договаривался, устраивал.

В их малюсеньком домишке постоянно кто-то из бывших партизан ночевал, приезжая по делам в Минск. Однажды, собирая мужа в баню, Мария Михайловна не нашла

единственной пары нательного белья, новенького, братом подаренного. Уже, грешным делом, стала думать, кто из гостей мог прихватить, но тут вернулся с работы муж и все разъяснилось: отдал старому партизану из своей бригады. Тот больной лежал, а надеть было совершенно нечего: в сорок четвертом году всего не хватало. Когда умер, в этом белье и похоронили.

Порой, слушая Марию Михайловну, ловлю себя на мысли: как же они подходили друг другу! В том же сорок четвертом, но еще в период партизанской жизни, командир отряда «За Отечество» представил Марию Михайловну к ордену. Она сразу сказала Илье Мартыновичу: «Вычеркни! Будут говорить, что комиссар своей женке орден выписал». И Федоров убрал ее из списка.

Во время операции «Багратион» бригаде пришлось прорываться из блокады. Илья Мартынович был тяжело ранен, снова в ту же ногу, десять дней лежал на повозке, ожидая самолета, который вызвал Р.Н. Мачульский. Когда самолет, наконец, приземлился и Федорова посадили в кабину, к летчику бросилась женщина, видимо, знакомая: «Вася, спаси! Я здесь погибну!» Машина не была рассчитана на пассажиров, разве что на плечи комиссару сесть. Федоров кивнул, женщина взгромоздилась ему на шею, и он потерял сознание. Долетели удачно.

Много лет спустя, когда Илья Мартынович уже возглавлял Областной институт усовершенствования учителей, а их домик шел под снос, ему предложили трехкомнатную квартиру. Он совершенно по-комиссарски решил, что дочери уже замужем, а им с Марией Михайловной и сыном вполне хватит двух комнат. Трехкомнатную предложил отдать своему методисту: ей с большой семьей нужнее. Пожалуй, только такая женщина, как Мария Михайловна, могла согласиться с решением мужа.

И.М. Федоров был известным человеком в Беларуси. Его хорошо знал и ценил П.М. Машеров. Илья Мартынович работал на ответственных постах, стал заслуженным учителем БССР и СССР, но, главное, сердце отдавал детям. Воевал ради них. И всю жизнь потом работал, пробуждая человеческое в человеке, – комиссаром он остался навсегда. ▀